

ТЕАТРЪ И МУЗЫКА.

Александринскій театръ.

Первый бенефисъ.

Сегодня въ Александринскомъ театрѣ состоялся первый бенефисъ, данный за двадцати-пяти-лѣтнюю службу почтенной артисткѣ Е. Н. Левкѣвой. Къ сожалѣнію, это юбилейно бенефисное торжество было омрачено почти безпримѣрнымъ, давно уже небывалымъ въ лѣтописяхъ нашего образцоваго театра скандаломъ, который вызвало представлеіе капитальной пьесы—комедіи (?) въ 4-хъ дѣйствіяхъ г. Антона Чехова «Чайка». Такого головокружительнаго провала, такого ошеломляющаго фіаско, вѣроятно, за все время службы бѣдной бенефициантки не испытывала ни одна пьеса. Уже послѣ перваго дѣйствія пьесы, когда опустился занавѣсъ, публика осталась въ какомъ-то недоумѣніи: едва-ли кто-нибудь изъ зрителей понималъ, что предъ нимъ происходитъ на сценѣ. Въ залѣ господствуетъ зловѣщая, угрожающая тишина: даже малѣйшей попытки апплодисмента не слышится. Идетъ второе дѣйствіе; волненіе публики усиливается; движеніе и шумъ въ зрительномъ залѣ заглушаютъ часто рѣчи, произносимыя на сценѣ. Опустился занавѣсъ и уже угроза выполняется; раздается сильное шиканье; по частіи публики рѣшается, что актеры не виноваты въ авторскихъ недѣлостяхъ, и вызываетъ г-жу Комиссаржевскую и г. Сазонова.

Но дальше—еще хуже: послѣ третьяго дѣйствія шиканье стало общимъ, оглушительнымъ, выразившимъ единодушный приговоръ тысячи зрителей тѣмъ «новымъ формамъ» и той новой бессмыслицѣ, съ которыми рѣшился явиться на драматическую сцену «нашъ талантливый беллетристъ». Четвертое дѣйствіе шло еще менѣе благополучно: кашель, хохотъ публики, и вдругъ совершенно небывалое требованіе: «опустите занавѣсъ!»—этотъ, быть можетъ, слишкомъ рѣзкій приговоръ произнесенъ былъ съ «верховъ»; по шиканью, по окончаніи пьесы, сдѣлалось опять общимъ: шикали на галлерей, въ партеръ и въ ложахъ. Единодушіе публики проявила удивительное, рѣдкое, и, конечно,

этому можно только порадоваться: шутить съ публикой или поучать ее пелѣпостями опасно—пусть это имѣютъ въ виду декадентствующие и слишкомъ «талантливые» беллетристы, драматурги и прочіе писатели.

Сегодня мы ограничиваемся только отмѣткой безпристрастнаго лѣтописца, передавая вѣщину сторону спектакля. О безпримѣрной по идеямъ, сюжету и формамъ комедіи (?—съ самоубійствомъ въ концѣ) мы подробно поговоримъ завтра. Скажемъ только, что произошла эта поразительная пьеса, по нашему мнѣнію, слѣдующимъ образомъ: во-первыхъ, г. Чеховъ—«большой талантъ»; во-вторыхъ, Ибсенъ, этотъ современный гений, написалъ «Дикую утку». Если гений пишетъ «Дикую утку», то «большому таланту» также необходимо написать птичью пьесу, и «Чайка» прилетѣла на нашу образцовую сцену, которая на этотъ разъ показала образецъ уродства и декаданса драматургіи...

Бъ счастіемъ для бенефициантки и къ удовольствію ея друзей и почитателей, она не участвовала въ птичьей пьесѣ и, собственно, бенефисное торжество началось послѣ скандальнаго провала «Чайки».

На сценѣ артистами, товарищами и сослуживцами Е. Н. Левкѣва была встрѣчена дружными рукоплесканіями, которые тотчасъ-же были подхвачены публикой и продолжались минутъ пять. Сильно растроганная, бенефициантка расплакалась. Режиссеръ труппы, Е. Н. Карповъ, отъ лица всѣхъ сослуживцевъ сказалъ Е. Н. Левкѣвой теплое привѣтствіе, а М. Г. Савина поднесла ей цѣнный подарокъ; затѣмъ бенефициантку привѣтствовали лавровыми вѣнками депутаціи отъ балетной и оперной труппы; телеграфныя привѣтствія были присланы отъ театровъ литературнаго кружка и василеостровскаго, отъ представителей виденской труппы г-жи Алексѣевой и гг. Незлобина и Стрѣльскаго, отъ Н. П. Анненковой-Бернаръ, С. М. Сосновскаго, друзей и товарищей и др.

Отъ публики цвѣты и подарки были подарены въ антрактахъ исполненной затѣмъ веселой комедіи г. Соловьева «Счастливый день», гдѣ бенефициантка прекрасно сыграла роль энергичной почтмейстерши, а г. Варламовъ съ комичною страстностью провелъ роль влюбчиваго начальника.